

ДМИТРИЙ ДРАГИЛЁВ ИСПРАВЛЕННОМУ ВЕРИТЬ

International

Literary

magazine

Дмитрий
ДРАГИЛЁВ

ИСПРАВЛЕННОМУ
ВЕРИТЬ

БИБЛИОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЕЗІЯ, ПРОЗА, ПУБЛІЦИСТИКА

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

Дмитрий
ДРАГИЛЁВ

ИСПРАВЛЕННОМУ
ВЕРИТЬ

Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2024

УДК 821.161.1'06(430)-1

Д 72

СЕРІЯ «Библиотека “КРЕЩАТИКА”»

Заснована у 2023 році

Фотография на обложке

Лариса Чайя

Драгилёв Д.

Д72 Исправленному верить / Д. Драгилёв — Друкарський двір
Олега Федорова, 2024 — 120 с.

ISBN 978-617-8169-95-4

Берлинского поэта и музыканта Дмитрия Драгилёва отличает верность вещам, на первый взгляд, полярным и даже взаимоисключающим. Так его профессиональный интерес и — в результате — цеховая причастность к каноническим стилям танго и джаза, страсть к ретроспективным раскопкам, сочетается с писательской любовью к метамодернистским экспериментам, парадигмам и поискам, далеко уводящим. О методе письма также бытуют разноречивые оценки. Наряду с критиками, убежденными в том, что автор придерживается принципа джазовой импровизации, есть те, кто обращает внимание на многослойность, концентрацию и плотность. По мнению Георгия Векшина, поэт испытывает слово на пластичность, раскрывая «узлы и швы» материала. А Дарья Суховей, помимо расшатывания статичных языковых связей и ритмических каркасов, выделила включение малоизвестных фактов мировой культуры в контекст деталей микроистории. Убедиться в правомерности тех или иных суждений вы сможете, прочитав эту книгу, в которую вошли в основном новые стихи, написанные за последние семь лет.

УДК 821.161.1'06(430)-1

ISBN 978-617-8252-14-4 (серія БК)

ISBN 978-617-8169-95-4

© Драгилёв Д., 2024

© Федоров О.М., видавець, Київ 2024

**ИЗ КЛАССИФИКАЦИЙ
ПРИКЛАДНЫХ И АЛЬБОМНЫХ**

ДЕД МОРОЗ

1

Морщит — совсем не куль —
Время свой зимний шов.
Тщится понять: откуль
И для чего пришел.

Нукась — другой союз.
Накусь — от всех угроз.
Фросю (опять абьюз!)
Щедро и ровно брось.

Щепками в Новый год
Брёвна несёт река.
Спросят на баре код,
Скажешь, что с баррикад.

2

Эллин, эвенк, еврей
Держат свой дальний путь.
Стал человек добрей?
Мир? Черта с два, ничуть.
Город хамит, и секс
Ищет местами стиль.
Это совсем не текст,
Это почти текстиль.

Если и чтим полет —
Птичьих, не сучьих стай.
Рыбка стучит об лёд
Или рычит Китай.
Харю свою задрал,
Лаает полезный хин.
Langsam, mit halber Kraft,
Schleicht die Smolensk dahin...¹

¹ Дополненная цитата из худ. фильма «Челюскин», производства ГДР, 1970 г.

* * *

Мой пул звенит громче твоего заслуженного кимвала.
Твой третий пол чище моего обеденного перерыва.
Таковыми ручищами Яга клёцки из туманности доставала,
в интервалах подпрыгивая, ухмыляясь менее криво.

Между отходом ко сну и прополкой грядок,
сторожа весну, чтобы не слишком рано.
Впрочем, какие грядки у этой карги?

Мытарский здесь порядок.

И ее верещагинщина на хера нам,

мнимая безусловно. Пропускает, мол, в лес или на границе.
С печкой, огнем охваченной, стоит шлюзом.
И треща о правилах КПП своему вознице,
пробуешь сообразить, кто из вас двоих лузер.

Едучи дорогою до пресловутой Вильны,
разузнавать накрепко про сестер королевских,
сколько им лет, каковы ростом, как тельны,
какова которая обычаем и которая лучше.

А пуп земли спрятан в важных избах-читальнях.
Туда и держит путь цидулька, без роздыха,
через плакучий тальник.

Песни про зайцев цитируя, пешая или оконь.
Депешам Ивана Грозного наследуя целиком.

* * *

Пока пастушок качал зыбки новых моделей,
за слюной что-то сопело, попевало,
прыгали напряженные корневища,
сопредельные государства.
Читая программу озера слюдяного,
выйти из берегов
чаяла новая вилла. Даже если Лидо — муляж,
с иголки обитый вагонкой. И вагонка —
завод — еще не закрылась. То у старых
ворот красивые девушки. То ли наоборот —
старые девушки у ворот красивых.
Уже не слышат
шаги колумбов. Чуни свои не считают.
Берегут
Четьи-Миней.
Беруши
хранят молчание.
Тихо поскрипывают
Корыта-ушата.
С прописной буквы.
В деревушке Чунь Ли.
Чувства теперь образуют
систему дисперсную.
Перстни, перси, фильдеперсовые дела
спрятаны в чемодане.
Музыку ждут
не здесь. А в доме напротив. Лобные
доли шестнадцатых. Дворжак,

Игорь Берукштис
(был такой джазовый исполнитель)
в новом свете предстанут.
Номер поди по
диа-гоналям, в шестиста метрах
отсюда звон склянок или бокалов
и происходит.
Тот, что не слышен.
Но глагол «отгони» вместо калиточного.
Для всех притворившихся
католиками, православными.
С эвкалиптовой мазью на все венцы,
короны, костры, случаи жизни. Минуты.
Хотя Лидотель — это сказочно схоже
с латышским словом, символизирующим
искусство воздухоплавания.
В шестидесятых тоже раздача была
моря. Шума его. Был он более пряным.
Не таким прямым. Тесным аккордовым
расположением. Но внимательно,
как и сейчас приводняются за фужерами,
приземлялись в Румбуле, тщательно позабыв,
что еще недавно там опускались ниже
уровня литоринового, плитуса адского,
хорды всея земли, принося жертвы
меандридам-мегалодомам,
расставляя флажки
в соседнем урочище.
Не рассказывай мне про Магдебург
и Дессау. И о том, что Руппин дергал за нити.
Прибереги для других
злонамеренность,

риторическое вранье.
Мраморный блеск с прожилками
отражается в темных
стеклопакетах.

ИЗ ЛАННИТА

1

Говорят, на Астафия Ветряка объединилась Германия,
а ещё прошел миллеровский концерт в ангаре Кингс Клайфа
последний. На пост заступила,

как в Москве вечерняя хроника,
бадьа (ее защемило, яркой была, стала квадратной.
Танцорша в одежде лунянки звалась Стропилой,
впрочем, это не имеет значения для дознания).

Ведь по следу идёт рассказ,
ценный поршень милями делает ход обратный,
Пусть полярная съест сателлит, будто бугай фалафель.
Ночь держится на трех или восьми лайках,
столетних дедлайнах,
И, раз пьянка такая, боевых сторонников не найдя,
все метафоры прикарманила.

Луну колбасит, она — как рояль от страха — дрожит от басен
Про себя, и от воя вместо простого взора,
или пятерки литер по адресу, т.е. слова «барчук».
Тундра селилась в продригах, на пристанях чукч.
А что такое фокстрот тебе объяснил капитан Колбасьев.

Литовский полковник однажды завоевал Анадырь.
Вшей жечь нельзя — ослепнешь. Вошь надо съесть.
Вот «копальхён» — слышится Гретхен — слово не наше,
Имя хоровика из Дома Собеса, попробуй его догони, но,
Пока не пошла по спинам — скалкой — обугленная головешка,

Пляшет голая девочка. Воешь. Не хочется есть? А надо!
Бывшее мясо из котиков, родственник строганины.
Мох — вместо тряпицы, обмакивается в парашу,
Им смазывается разделочная доска, это сбивает спесь.
Так жених отрабатывает калым у очукотившегося норвежца.

Оленья дорога прямая, как перепиленная,
 стремится, видать, к теплу.
Собачья — топографически похожа на температурный листок.
Ты доказал, что лёд в профиль похож на яблочную пастилу,
А снег ломит глаза и может быть четырех или пяти цветов.

Это транс или область легенд, что сродни той реке Каяле,
Притяжение зим, а не кофе ту гоу, это юркие рыбы шепчут.
В Уэлене колышется ялик, будто ведро помех.
Но за двести шагов ты слышал — в юрте смеялись.
Он заразил даже вас, трансгендеров и вошедших:
Оглушающий взрывами, дикий смех.

2

Удивительно быстро, но это не радует, выпивается водка.
Убедительно быстро черкешенка формирует свое поместье.
Безо всяких заминок коллега на радио,
выспренно пишет свою подводку,
Николай Минх с оркестром чешет пьесу «Когда мы вместе».

В этой жизни ничто не водится, вывод сделал еще Вертинский.
Здесь зачем ты, май лав, не спрашивай, и, конечно,
не жди приязни.
Знаем, плавали в Наркомводе, съели мы еще ту скотинку,
Повторяем зады: from Russia мы, и не лезем ни в сны,
ни в князи.

Ехал чибис, академически, мимо девы, пьяного полустанка.
Ехал крыша, не удивляйтесь, он бывает мужского рода.
Начиталась Дэвида или Маргарет Митчелл аватарка,
сиречь — бастардка
(Как у Бродского, буду блядью из парижского огорода).

Лёд мы слепим из парафина, есть сюжеты куда прикольной.
Всё растаяло в Ванкареме, всё просушим, бывает schlimmer.
Не пропустят в крем de la Creme и если с Душкой
в одном флаконе
Осгут, Дафна и Жозефина, будь как тунбергша —
бей на климат!

Дескать, в этот каяк не влезут все, а тем более без горилки.
Ты зачем меня моришь дезою? Можно каждого перемаять.
Вот фатальный примат науки, слух по линиям обострился,
Продуктовый русский лабаз в Берлине
в ночь сгорел на восьмое мая.

ШКОЛА

1

Кто-то владел неизменным мысом встречи ветров.

Кто-то воспел рифмующееся с ним плато.

Нас только ждали десятки лесных утроб,
и звук из трубы, настолько казавшейся золотой,

что сходство бутонов роз с капустными кочанами
цветы девальвировало, тем более, на фоне такого блеска,
звук путал все артефакты, нам подброшенные или нами
в вальсы, танго и фоксы, в проявления всяческого рефлекса.

Нечего причитать и причины выискивать, даты снялись
с якорей.

Сколько верст от Москвы до Холмо?

Тысяча двести семьдесят. Впрочем, горы другие.

Повод есть для дальнейшей искренности, светит темечко,
всё быстрее
искрящиеся, полные или стройные, как богини,

яхты в гавани ночью звенят оснасткой, какая сила
при всяком дуновении ветерка! Шелестит бамбук.
Калитка издает лающий, иногда барабанный звук.
Смотришь, и эта ерунда износилась.

Клонируй каждый момент, легче с Врунгелем,
с Чунга-Чангой и Чебурашкой.

Синатра в песках.

Проберись буераками, постарайся понять, куда ветер клонит.

Проходят столетия без Соранга. Затяжка.

Будто способ колечки в окно пускать,
оставляя подруге царапину на нейлоне.

Пей цейлонский, пой, но в тему, не пялься на остальных,
в такую зиму и эльфы неброски.

Система двухфазная: жидкость-пар, снег откланялся в сны,
пропан-бутан отклоняется, разветвляясь на разные
подголоски,

чудачок, пока все не устанут, делай свои броски.

Нынче вечер игольчат.

Напыленные на что-то еще тянутся любые носки,
превращаются в гольфы.

От заливов, колен и коленцев, разбитых, счастливых —
не уберечь

спортсменов, детей, подхалимов, но не об этом речь.

Коварнее любых увечий —
счислимые дрова и свечи.

Будешь водить. Быстрым сном ворожил сверчок —
местный Маркони.

Красная шапочка мимо шагала в сабо,

маялся серый с утра, разевая пасть.

Мальчик спал при открытом балконе,

кот залезал через балкон из сада,

будил, завтракал, ложился спать.

2

Отражение тверди небесной — пустыня?

Обратная сторона?

А как же с медведицами и ковшами,

с печью плавильной, песком засыпанной,
вмятинами от гор?
Были однажды все мы неправильными, холостыми,
на Луне поднимали корову и прыгали через высокий забор.
Только бы нам, как Татаринову, не мешали.
А теперь ключ басовый используем вместо штопора как багор.
Солнце утопленное достаем со дна.

Отношение прилежащего к противолежащему
предполагает наличие ложа.
Допустим по умолчанию, я забыл, что такое котангенс,
куда серьезнее — пустота, тщета.
Отсутствие связи с курвой, вполне трикотажной,
отдыхающей в гостинице «Три кота»,
ни одного пользователя сети не гложет.

Сообщение в новостях: найден клад — лоза виноградная,
в землю зарытая.
Дорогие пользователи целлюлозы, балуйтесь остатками
премий.
Золушка — от золота или золы? — страдающая целлюлитом,
старуха торгует поломанными корытами.
Наступившее время мест... Только не ври — не время.

Неподъемные тайны местные не копай, но поешь,
ну а ежели аппетит пропал,
не угнаться за гаерством. Будет Сочельник. Поёшь в пустоту ты,
пока во сне не
обнаружишь под елкой — на каждый месяц — загадкой —
двенадцать пар
с золотым шитьем гайдновских сочинений.

РАДИОВЕДУЩЕМУ

Du kleiner Kasten, den ich flüchtend trug
Bertolt Brecht

Когда раскосый и сутулый,
По Кривину, ты не кривил
Стеной, что падала со стула,
Сливаясь с ропотом сивилл.

Когда вторична даже челюсть,
Вдали от праздного нытья,
И вдоль по П. гуляет челядь,
Среди долины ровныя.

За аппаратами хреновясь,
Кожиясь, горбясь —
 бить ли в грудь?
И приноравливая новость,
Ты аккуратненько забудь,

(Когда строку диктует гендер
И флексия — как та верста)
Тобой творимые легенды,
Тобой печальные места.

То бой, который только снится,
И продришь¹ дарит Fleur de Sel,
И загорает где-то в Ницце
Глагол, который здесь осел.

¹ Здесь пишется через «и», поскольку другое значение, чем в стихотворении «Из Ланнита».

В прыжке перины мон ами,
И вниз перилами олд скул,
И скилл — суть поиграть с людьми —
Как мускул. Океанских скул

Глагол, который чуть осёл.
В чужом отечестве — подавно.
Где фавн — форвард,
Джек — не Дафна,
А инфоповод — то да сё.

НУ, ЧТО ТЕБЕ СКАЗАТЬ ПРО...

1

Ищи. Не след томиться по кабы.
Без вызова «Ату», но с бризом «Пусть их!»
Где кот, где баритон и выход. Бык —
На лад овцы, забравшейся под кустик.

В коре толченой отпечатки ног.
Затушим свечи, суше, стиль «По шпалам».
Жених-наглец, отец Икара строг.
Кино, Жанин, один и с кем попало.

Хайям, прости, ты даже не Шишков.
Как в Merry Fellows стрелочка хлопочет.
Суть из под глыб, лесных и прочих школ.
Но был таков плутовки хвост и почерк.

Вершись порубка. Булки на углу
И верный грум. Он хлопнет стремянную.
Включись в игру. Здесь Молли служит Блум,
Жуя свиные почки. Впрочем, ну их.

Ведь Маллиган давно саксофонист.
У шкафа скачет уцелевший Гаев.
А жирный, сановитый тянет вниз
Под жертвы, что богиня отвергает.

Под старый блюз, под танго, подсуропь
Хорея шестистопного икона.
Воспет порок, здесь барабана дробь
И кошечки, и судно Кап Аркона.

Теперь нетворкинг славится на всю,
Тлетворный дух, створоженная масса.
Раскройте створки, с острова Хонсю
Отправьте мне миндаль или гримасу.

Какая даль, пускаться западло
(Где вы теперь, кто вам целует лоно?)
В погоню или тяжкие. С поклоном
Тому, что блажью было и прошло.

2

Старик, ты фрик, причем в расцвете лет.
Пусть в койке ожидает колобок,
Начищен у валета пистолет,
Спокойствие, гражданка Фрекенбок.

Ты с одноглазым лихом не шути.
Оно — причина зимнего пути.
Вот флюгер, липы лист, и солнца ложны.
Где валторнист, и сон, и лаз берложный.

Меня услышь среди забот и лаж,
Заборов, луж и сказочных фортеций,
Рекомендуюсь нытиком простецким:
«Машинопись, малыш и такелаж»,

Суть вывеска для всяких клиентур,
Под жирным грифом «Карлсон и консорты».
Но фея, я уже товарищ тертый,
Я больше не затею этот тур.

У котофея фары велики,
И мозг пустым прыжком нафарширован.
Ах, если б мой крыжовник был махровым,
Я бы вздохнул вполне и вопреки.

Вам ни хухры. Малашкинский романс
Не навредил бы. Чувство показалось.
И вьются чубчик, полковое.. Завязь
Истории. И зависть. После ханств,

Ордынских инвектив, и Джезуальдо
Гармоний влёт, и почты полевой,
Шарманщик ждёт, подсчитывает сальдо
Моральное, один, и крутит сальто
Мортале галактический конвой.

НАШЕ КИНО

I

На всякий случай ять, классический размер,
Служивший столько лет на почте ямщиком.
Как будто Вторчермет или Фторметачер
На почве — пядь за пядь — юлы. Сплошной ситком!

День за два, глаз да глаз. Иначе депрессняк.
Почтовый ящик твой заполнен до бровей.
Волчок — конечно — знак, здесь даже скалолаз,
Вчерашний царь-герой, отныне муравей.

Встречался ли тебе промышленный сквозняк?
Воинственный пацак использует арго.
Ведь всё, что на губе — обычная возня.
Решайте, артефакт: *to Got* или *to go*.

Ударится моча в безумие травы.
С отменой утюгов не станет крепче тыл.
Переходя на ты, в сердцах идя на вы
И наливая чай с отменной высоты.

II

О многоэтажный, о далекой родине прозвучи!
Жив и после семнадцати, и после двадцати четырех,
Вот окошко на Фишеринзель времен Ульбрихта позднего.
Жалуйте и амурьтесь на витрине города Макса фон Отто,

Пестрым набором, менажницей фирмы Винцер.
Режиссеров отриньте, серьезно и понарошку.
Он неплох, хранит артефакты апрельских боев,
по-над Шпрее и поперек,
Траектории идиотов — чуть гламурнее, чуть колхознее
Создает чуткую крошку в микроволновой печи:
Звездный переполох в теплой провинции.

Своим кварталам прочил он прототипы и пули,
цыпочек оргии, мази, маты и брань, фарватеры «ижица»,
фибулы в форме фиты.
(В инстаграме улицы хитрые, лица Лилиток,
Лолит или Ксантипп
выписаны с особым тцанием).

Но в новой культуре имени рюкзака и ранца
Особенно умиляют русские ассорти: восторгам
пышущие неофиты:
Экспаты и прочая; с грязи на грань
свободно перемещающиеся новобранцы.

Культ граффити и царских объятий.
Нет им цены. А на коне кудесники.
Г. Печорину паспорт выдали новый. Имя теперь Пещерин.
Отлетают супинаторы каверзно, развевается
собственный хайер,
до Калуги стелется доблестно, аки дым.
Прощелыги разного рода, ини и яни, йоги, отнюдь не
забились в щели.
Телеграфисты и яти упразднены, но ведь здесь они.
Будто услуги в области — на районе, в сфере слияний
и обобщений
Швейцарец Хайек оказывал, будучи молодым.

Пох — это старинный спазм от вероломной субретки
или проект очередных хештегов.

Вероятный способ испачкаться.

День ото дня эстафеты раундов в актовом зале.
I'll be around, кричишь. Кто оценит сарказм на ее избачество?
Измеряются пачками трубы в бэкграунде,
балерины и непотопляемые сигаретки.

Всё серьезно, коллега!

Здесь верзо напоказ, не помогут батюшки.

Ведь уже до меня и без нас сказали:

Живем мы редко.

Развеваясь — развились в полный супрематизм.

Раздеваясь — резвились слова Хабиас и ван Ходдиса.

Попутно напомним о русском генерал-майоре,

Павшем в бою у Нестерова-Шталупёнена.

Посылаю тебе неизменный пирог —

Менуэт с халапеньо от Павлова-Азанчеева.

Объясните тупому (дурак — не порок, для ясности упростим):

Где находимся,

Где костями похрустывал бедный Йорик,

(Всё же стерв не тупее и не ребенок он,

Мысль прокрустова да не убоится черепа),

Сопромат и инъяз, шелупонь или нерв, или новый стиль.

Чаевых не хватит на всех официанток, городок-городок,

К лесу задом стань,

даже если вдруг подойдет, прицелясь,

Твой патрон-медведь или хук в бергхайновском спринте

большой ходок

Нанесет. Это будут лишь пэдээф, или просто док.

Биопринтер на выходе выдаст другую челюсть.

В чатах — море цитат,
Каждый зверь — недотрога. Так будьте здоровы!
Учимся петь о вирусе, о его артикле — дас или дер.
Где ты бывшая ГДР? Мой D-Dur светит бережно,
рученьки мой до дыр,
И по швам. Дефицит присыпок, перекиси и зеленки.
Мы героям Циле детально и мило алаверды,
Наше вам. Это Цили и Хельги мечтают по удаленке.
Но не лечь костями, попадая в СМИ.
Мимимишные цель и азарт — сохранить следы,
А не стельки хотя бы на той старенькой, той восьми-
Миллиметровой и ацетатной пленке.

III

Человек на знамени красном, вместо серпа,
Сильно отторгнут. Знамя вихрем в паузе между домами.
Мы не встретились в Торгау.
Техниколор, консумация или хупа.
Абсолютный кинематограф — как вкус умами.

У других, моя Одри: реверберация, эхо, прочие спецэффекты,
На пороге Торжок, легуаны спрятались по углам.
Среди своих чужой — цирк уехал, прибыл денщик префекта —
Жрец, который в кодле один из глав.

«Слышь, кто не пьёт?» — восклицал сам Аркадий Варламыч.
Ответим в порядке бреда:
«Паниковский да леший, курица да койот,
не бегущие за каретой,
Вместо эпических Фрэзи и Сениэль по волнам».
Почту, давно утонувшую в речке да калифорнийской пампе,
Или тот эпизод, когда наблюдалось
выпадение Плейшнера из окна,
Как скандал сможет каждый пересказать на память.

Стой, кто идет? Кто там? Это просто проверка слуха.
Ку-ка-ре-ку! Это я, «бонвиван», над собой смеюсь.
Изо всех искусств по нашим местам важнее всего — кукуха,
Кукушка, убивающая змею.

IV

а на самом деле
никогда не видели Дира, не ведали про Аскольда
скорбные дирижеры —
поклонники Вакха. Здесь была еще та семейка.
Даже стая. И если губа, то, возможно, Чаунская.
Не домашняя Яуза.
Полным ходом вахта, Посейдон сокрушается по сей день.
Борт лодейный, утлый, утлегарь с брошью
из персидской груди.

Пузом кверху жирная запятая —
бывшая змейка в плоскости ща мажора,
плавно переходящего в замысловатый форс,
не росою умытая парковая скамейка.
Аскорбинку предложит лекарь.
Суть простая: трубачу по цедильне врежь, будет брешь,
но чур имечко не вносить в телегу,
что-нибудь другое, целостное на «ди» —
дискурс, дихотомию и, кажется, дихлофос,
как вариант хлороформа, томительного арт-хауза.
Чебурашка (не Че Гевара!) прицельно палит из кольта
или прикольно

корчит рожи тот, кто сидит в воде...
Улыбнись вариантам не поседеть:
между сиквелом и ремейком
объявляется пауза

Ты пузо любишь свое за отсутствием сытых щек.
 Не Эдгара По читаешь, топаешь на Париж,
 исследуешь новые берега.
 Сельпо иногда посещают Щек и Хорив, когда зайдут —
 ты услышишь щелчок.
 Красивый, с которым захлопывается портсигар.

Подсадные утки путешествуют волоком
 через летящую полынью,
 Потёмкинские деревни продают олово, а это:
 в сотах ночных осенних спящая поволока.
 Кубарем али волчком, поваром-колобком отправляясь
 в чужую семью,
 Найди три удобоваримых предлога.

Сообщите ваше ф.и.о., говорят, празднуем не сабантуй —
грицацуй.
Присядем коллеги, сыр — промысловым воронам,
в засаде по оптовым ценам, множится километровой инь.
Пуле каждая вещь к лицу, пончик, сфотографируйся
и танцуй,
Фотку в пончо и леггинсах по электронке скинь.

Видю в словах «искатели еще раньше» другую фразу —
«бесследно исчезли».

Стертые ранцы, раненые башмаки, насмешливое мое счастье
(Это про Чехова). Кроме разных агентств, есть структура,
именуемая, если честно,

Раздел культуры на мелкие части.

Здравствуй, ветчино-рубленая, на гюрзу клонет каждый,
установивший от старых гримз.
Где же кухня та, раз не в Гагры на пляж
и не в крымский Гурзуф,
для веселого пастуха и тупого бляня
Окуклилась, навела макияж, правила приняла игры
И уже готова к употреблению.

Репку тянули — помогали всем миром, в сухой остаток
попали другие —
Чей-то фальцет, шум удаляющегося фиакра,
фиалка Монмартра,
набоковская Фиальта.
Чутьочку чуткости, господа. Съедена белена.
В слове «сталин» кроется ностальгия,
Дырка плиточного тротуара населена черной икрой асфальта.

Вспыхиванию разлуки дайте несколько сильных поводов,
Скажем, мода и understatement. Он упьется прицельной
грубостью,
Чтобы потом услышать сквозь фильтр: take it...,
я оценила, Хоботов,
Твои темпы скручивания ушей в трубочку.

Не видать в саду ни медведя Кнута, ни Финиста-сокола.
Если честно, не за горами, по четным — выдача грамот,
подписанных просто: Филька.
После фильма осталась четверка минуток,
а может быть, что-то около,
Время сгорания дудочки Честерфильда.

VI

Помнишь аспидную доску?
Аккурат к сыплющемуся песку — олимпийкой стала,
невзирая на возраст, ажурна и встроена в каталоги,

Как сейчас принято говорить, наблатыкалась,
Посох в норме, жирный стиль и — да не подведут стило
и возвышенные предлоги:
Восковая табличка (олд скул) дополняется методом тыка

Каждый день. Тем полно — актуальных,
о которых никакой криптограф
Не разобьет себе голову нежно и об заклад,
приклад или дуло
в дальних перспективах.
Всё по делу, каждый мотив побемольно продуман.
Впрочем, дело, конечно, в других мотивах.

Далеко до итогов. Тем полнеем.
По мотивам мнительных незнакомств,
Параллельных торжеств, ежечасной ртути
и доверчивых обстоятельств,
Еще новый Миша подскочит, и ручкой такой ситком
о нас понавертит да понакрутит,
Который будет потомкам вельми приятен!

Зависть пемзой. Готовься. Это облой,
тень не обложке, sombra или бегемотная амбра,
Умение подобрать нужных людей,
увидеть маяк, намоленные
или взлохмаченные места, колись-ка:
Как получается джигитовка, тоник с Хоттабычем,
боевые слоны, аксельбанты и канделябры. К лесу стань.
Ведь в наших краях вообще не отвечают на письма.

Не говоря уже, позвонить, позвать, спросить как дела,
как дети... Лишь отозвать в сторонку,
И отчитать за всю эту дружбу, манеру, грыжу.
Несколько лет назад на вопрос «как выглядит похоронка»,
могли ответить:
Ровно, как та фанера, летящая по Парижу.

Фурнитура, масло, царапина в небе.
Куаркод на коллекторном люке.
Полотно эстакады вырабатывает электричество
От вращения колёс многих тысяч автомобилей.
Кризис? Наверное. И не напрасно. Нефиг.
Коллеги делают чес, который синоним тура,
общаются феерически.
Тоже небось вспоминают, как их любили.

Ощущаешь мажоров уверенных, не новичков,
Модно и невозмутимо глядящих, типа: имеем право.
Это тебе не в чаще падать ничком
По статье расходной «помеха справа».

Не болит голова, нога, и уже не прикол,
Кто идет, кто шагает какой, на кой
Вас караулил, мутузил. По роли. Короче, поздняк метаться.
Баста, мои карапузики, сплыли танцы, ананасы и фрикасе.
С нами мантра — паролем — овсянка, сэр!
Как учили изобретательные британцы.

Возможно, вы спросите, о чем этот текст,
О трахтибидохе, игноре, о военкорах или о тех,
Кто перекличку пробует в пустоте
Затеять с инициалами М.И.Ц., В.В.М, К.М.С. или своими экс?
Нет, бывшие ни при чем, это дисплеи и мониторы,
и галлицизм «суспект»
Вышел в тираж да на тракт, выдавая себя за злато.
Вздохи наличествуют всегда, они слышны со всех мест,
каждый год
С алой оснастки, не достигнувшей берегов,

В стражу любую, при исполнении долга или танго.
Поэтому нет смысла думать о Quid pro quo
И рассчитано на кого?
Да на всех! Напомаженных и кудлатых.

VII

Досужие времена в гавани Angevrosis.
Цветов в избытке, лишь дочек не позовут к столу.
Калужница желтая, таволга мокрая, что молчите?
Говорят, таволожный раствор помогает лучше,
Чем чья-нибудь прядь волос, похожая на кудель,
Похудеть, но при этом избавиться от глупой тоски любовной,
Опоздавшей на волейбольную площадку сквера,
И на последний киносеанс, и еще на час
В квартиру, неподалеку от скотобойни,
Где всё это происходило до вашей встречи.
По зиме на мороз выгоняют за разной выгодой:
Паренька — за медведем, девушку — за подснежниками.
Была девка-зараза долгая, как орясина, стала вязкою,
как трясина.
Станут ли створные огоньки впредь гореть для судов
проходящих,
Или вровень встанут бычьи глаза и пузыри рыбы,
Слепые окна вместо окутных? Твое косащатое ластится,
но к кому
Обращен белый сектор в соседнем бифориуме?
Цикада в траве притворяется счетчиком гейгера. Фору даст
По скорости шелканья. Домик здесь. Биотоп. Животворящий.
Запеленгован, найден и каждой сваей связан с тобой.
Как же мне
Косые углы его осваивать без тебя? Как бороться
С твоей приманкой — земной, зеленой,
имманентной и абсолютной.
Нерукотворной, везде рассыпанной, тем не менее,

На волю рвущейся чижиком бельевых отверстий.
Манной небесной. Пуддингом. Или рыжей вечерницей,
поселившейся

В заброшенной РЛС...
Город будто подготовили к съемкам,
Но съемочная группа
Отказалась приехать.

* * *

Домчата дымчатые, задумчивые
Амбициозные бесконечно
Выламывающиеся из всех
Домов, ранжиров, с надрывом или
Голливудской улыбкой
Или просто плюсуя как ваш собственный
Телекорреспондент-новостник
Рапортующий с места событий
Пропагандирующий свой
Торжественно-знойный русский
И на досуге уровень стряпанья
Стихов, который теперь у всех
Превысил тучу стахановских норм
Времен перерыва между двумя
Бойнями мировыми, домнами
Не знаю, что теперь считать довоенным
И как обстоит с уровнем понимания

* * *

Ферапонтово — северное село

Бахыт Кенжеев

Сколько помним себя, расцветает под грушами чубчик,
то Штраус и полек звук.
И галопом по пашне точка тире квашне,
и уже не шуткуем про ногу в но.
Гул эскадр на манер палестинских мамаш, что припадочно
ткани рвут
На груди и строчат пулеметно, и, кажется это кино,
и кажется, не ко мне.

Вам в другой кабинет, молодой человек, есть тридевятый кадр.
Двадцать жесткий какой-то, восьмерка дурная,
увы, финитюдность еще дурней.
Барабанная дробь, филистеры да воры, желаете,
новый ваятель Шадр,
Маг придворный, вырубит как этюд,
что-нибудь монументальное этих дней?

Так дерзай. Даже слава смолкает, sic transit,
даже островами симфоний
Всё бывает херово, или нелепо, или ни зги,
даже если Andante cantabile, con alcuna licenza,
Как у Данте. Угодив в притчу такую, елань, халепу,
запечатлись на фоне —
Плащ-палатка, лопатка саперная да кирза,
да что там (ликуем): хромовые сапоги,
Махровое вафельное полотенце.

Сушим весла и сучья. Ведь чихать, что за форткой —
Виннипег, Виннипух ли. Джипег?
Сплюнув смачно (йот пэ гэ для вашего о пэ гэ,
до сих пор был только детсад),
Едем с матча до первой звезды, фон зеленый,
а фотки, фиксирующие успех —
Образцовый кирдык, бурса сучья, металлическая попса,

Будка! Так, на теле на самом. Не ахнешь и не возьмешь на испуг
Пухлых томных смуглянок, заварим мы клен и тимьян.
Сущий ад, говоришь, Новый свет приплетаешь зачем-то,
ведь время хапуг
Заступило на вахту чуть раньше, чем в городах
сделал уху Демьян?

Рифмы полностью на слуху.
Снова просят фио, по анкетам всё,
это вам не собачка и мастер свойс.
Заросла туалетами (раньше блоху,
а теперь подковали вошь)
Наша местность из дюймов последних.
Се есть — многотомный полнейший Бойс.
В пгт Филетово ты живешь.

* * *

Варимся в предвосхищении
Безмолвного или вполне себе
Комариного
Пуска крови писка
Замаринованы
Маревом
Порядками метл
И новым вкусом шагов
Дробь дробь
По вакуумному покрытию
Просветляем отражаем фильтруем
Лудим паяем
Подходи не бойсь
Налетай торопись
Опрокинув стопарик
Лупим по деревяшечкам
Весящим какие-то стариковские
Сбивчивые 60 граммов
Почти три раза может уместиться душа

* * *

Ключик, толкуй в колодце, но не стучи в окно
(елочка или ляля, колодками для штиблет)
В поисках битых лоций мелочи тибрят в ноль,
Но на крыльце оставляют ритм и коробку лет.

Рыльце в пушку у дятла, кажется, виртуоз.
Когановски подкован, лучше бы не вникать.
Слышится дневниковость даже в наборе поз.
В этих напевах затхлых, их не забыть никак.

В тамбуре что ли, в лимбе, в лифте, застрявшем меж
Чьих-то чужих уставов, где семерых отрежь,
Все мы теперь билингвы, ждёт ли нас нимб — х.з.
Стало быть правы Гринвальд Толя и Лена З.

Раньше был «к лесу задом» жребий совсем неплох
(Нафиг транквилизаторы, после поговорим):
Правила устареют жертвенной ловли блох,
Если Гиперборею сдержит пузатый Рим.

* * *

Tell me more
about a Tullamore
The Child is born
Теперь можно многого ожидать
Газов от чеснока
Взглядов руководительниц, жалобщиц
Надзирательниц, рукодельниц
Задай сам себе
Пройди и отчаянно расскажи
Про Верку за или против
Маргаритмические прослойки
Прикиды фата-морганные
Нерифмуемые линейки
Мидии в хламе
Стерляди в кляре
Рифы, проливы, столбы
Геркулесовы, пятки аховые
Соломоновы школы
Иногда кажется
Для того, чтобы
Чего-то добиться
Нужно просто дойти
До Любека из Арнштадта
Из Архангельска
До первопрестольной
Или хотя бы снова
Своим умом

До стадии ванной комнаты
Из советской столовой
Закрытой
В девяносто третьем

**СИБИРСКО-ПЕРСИДСКИЕ
НАПЕВЫ ЧИБИСА**

Так может быть, звякнет запонка...

И. Сельвинский «Евгений Ней. Шелковая луна»

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ № 1

На Урале — Бугуруслан, Бузулук, по дороге к черкесам, на Украине — Кагарлык, по дороге в Черкассы. На фонтанке чижики, у дороги чибис, дядька в огороде. Ехал на мопеде чибис пучеглазый, ехал пьяный чибис в слободу, на него напали разные заразы, оттого он сам попал в беду. Знаменитый размер. Шестистопный хорей. Знатный. Мимо кукарекумной, рахат-лукумной, лакомой, кума-манычской. Доехал до земель тевтонских. «Заходите в гости» — нажужжали чибису в ухо чуткие немецкие женщины-предпринимательницы, активно аплодировавшие его напевам. Чибис думал, что жители Абендланда просты и радушны. Особенно дамы. Сказали «заходите», значит можно зайти. Без предупреждения, по-свойски. Просто-напросто позвонив в дверь. «Ах вы учитесь в городе Ипсилон? А мы там живем, милости просим, если будете пробегать мимо», — прошелестели женщины. Ошеломили. «Послушайте, а отчего бы вам не отправиться куда-нибудь... в вашу Гиперборею», — наверняка подумали они, когда чибис постучал в калитку. «От-вооо-ри». Стыдно до сих пор. Хотя не вояжа. И ни к кому не приставал в кельнскую новогоднюю ночь у готического собора.

Однажды поймал себя. Не в линзе или в сачке. А, разумеется, на мысли. Мысль поймал. Она пришла, как обычно, весьма неожиданно. Негаданно-незванно. Нечаянно. Впрочем, пришла — слово ошибочное. Мысль, само собой, летела. Но иногда штуки эти, шутки ради, ловятся быстро, без осечек, не ускользают. Мысль о том, что прав был Карл, не основоположник. И не тот, что с Кларой будто бы бурно со-

ревновался в изобретении каламбуров, в грабительской аллитерации. А Карл, который Илья. Поэт Илья Львович Сельвинский в поисках новой евфонии. Он же — Карл Львович. Витийством резким знаменитый. Осторожный время от времени. Я бы сказал, осторожничающий. «Вспомни русско-чукотские войны, окончившиеся победой чукчей». Сбирались члены. Евгений Онегин, Евгений Ней и прочие. В конечном счете прав был Пушкин. Однако повторяю. И Карл был прав. Не Маркс, и не его дочь, вышедшая замуж за Лафарга, а модельер. Который Лагерфельд. Когда говорил, что иметь секс с теми, кого любишь, банализирует любовь. Я бы сказал багателизирует. Превращает в багатель из богатства.

Может быть, именно этим постулатом руководствовались те шутники, что, как и чибис, прибыли издалека, но только из южных земель и не стучались в калитку, а подкатывали к дамам на кельнской ночной привокзальной площади? Кстати, кстати. Как обстоит с возлюбленными у чибиса? «Мы не сиамские близнецы, — пишет самая далекая. — Полтора года не общались и ничего, живы. Работаем. По улицам ходим. Я уже забыла, чем отличается вафельный набор из Ренпу от такого же, но из Нормы. Дело тут не только в несколько разной формовке и названиях супермаркетов. Нормированный пахнет не дерьмом, но горелым. Точнее, имеет соответствующий вкус. А у меня нет вкуса к таким вещам».

Конечно, давно известно, что любовь — не галушка, и, тем более, не печенье из соседнего магазина. И вообще близнецам проще. А еще сиамцам, персам, туркам, арабам, афганцам, албанцам, боснийцам. С русскими всё не так. Мария Бизольд, автор немецкой монографии о Сергее Прокофьеве, назвала первую волну русской эмиграции белорусской. Хотя всего лишь «белоэмиграцию» имела в виду... Кстати Weissrussland больше не Вайсрусланд для немец-

ких СМИ. Тем более, что звучит почти как Вирусланд. Это чибису новостные ленты сообщают. Только хочет чибис написать сообщение кому-то, как его мобильный начинает искать сеть, предлагает войти в свободный невод, делает перевод, даже если не требуется, перестраивая экран, подсовывает всяческие хештеги. На дисплее появляется черный футболист, промышлявший уличным разбоем, отнимавший кошельки у женщин, который сел в тюрьму, но, выйдя, благополучно вернулся в немецкий футбол. Сначала во вторую лигу, потом в первую. Теперь он уже снова на телевидении, вальяжничают в популярном ток-шоу. А за ним Гунтберт Варнс, новый интендант театра, который похож на базарного гастронома из столичного района, околотка, сильно засвеченного тюрьмами и большим процентом турецкого населения.

Приехав в Германию, чибис жил в деревнях с какими-то турецкими названиями. Одно из них напоминало великих моголов и силача-бамбулу, другое — Караганду и Теберду, третье — Анкару. Немцы сами не понимали, откуда такое. Корень слова в хештеге села, доставшегося чибису, происходил явно от пепла. Как говорил Козьма Прутков, зри в корень. Стучит пепел в наши сердца. Или, как поется в одной из лучших джазовых песен, «скажи мне, дорогая, осталась ли искра, или только одинокий пепел от пламени, который мы знали когда-то?».

Но чибис думал не об этом. «Почему в Берлине русской речью заполнена именно Вильмерсдорфер штрассе, — размышлял он, — в особо крупных размерах? Почему русские так банально, так легкомысленно, непредусмотрительно, расточительно выбирают данную пешеходку в западной части города, вместо того, чтобы воспользоваться похожей на Ленинский проспект аллеей Карла Маркса в части восточной? Послаться там. Ах, магазинов мало? Ну да, ко-

нечно. Но и на Вильмерсдорфер они в основном промтоварно-продуктовые. Никаких кутюрье, никаких Лагерфельдов, никаких особенных бутиков. Наверное, поэтому отцы и матери города решили открыть пешеходку другую — аккурат у Русского дома на Фридрихштрассе. Есть там такой. Деревья в кадках на проезжую часть выкатили. А потом и ларьки поставили. Киоски. Авось гиперборейцы клонут».

«Всё свежее», — прошептала продавщица в ларьке, заметив шарящий, но твердый взгляд чибиса. Ларек стоял рядом с пикетом друзей Греты Тунберг. «Всё дурнее», — подумал бы фокс Микки. Подтрунивая, разумеется, над чибисом, подразумевая его, а не продавщицу. «Всё свежее, всё оригинальнее, — прикинул чибис, — какой к лешему пепел!» Лёгкие летние плечи, светлые, как дебютные маски на карантине, самые первые — марлевые, бумажные. Плечи, определяющие полёт. Женщин и мыслей.

У продавщицы были вполне персидские глаза. На карантине — чадра выигрывает. Никаб. Хуже, если чачван, тогда глаз не видно. Чибис вспомнил про «Персидские мотивы» Есенина. Про русских авторов, живущих в Берлине и носящих персидские имена или пишущих рубайат. Есенина в Персию не пустили. Чибис там тоже не бывал. Но был в Гамбурге, видел на бывших пакгаузах офисные вывески многочисленных фирм — поставляющих тевтонцам ковры. А еще ковер, выложенный цветным щебнем на мосту, что ведет к новой филармонии. Даже с иранской поэтессой познакомился. И так захотелось запеть по-персидски. Но вместо персов или вместе с персами из глубин утлого птичьего сознания выплыли и греки, и шумеры, и пакистанцы (Пакистан — это «земля чистых» именно в переводе с персидского), а еще приветы Али-Бабе, неразделенной любви, непониманию друг друга из-за того, что говорим на разных языках, забытый поэт Евгений Ней, и челны, и княжна... Кто не

знает песню «Стенька Разин», она же — «Из-за острова»! Вечная тема. У чибиса — острова разные, например, греческий Закинф, он же Занте (помните, комнаты Занте у Паустовского?), где в годы Второй мировой был мэр, спасавший евреев. Мотив острова — остров невезения, а эмигрантский быт — тоже остров.

Как звали великого персидского царя, о котором сообщали древние греки? Кир? Кирнем не глядя...

РАДИ ОСТРОГО СТЕРЖНЯ

Ты рисунок к риску хочешь присовокупить
Замышляя сказочный декупаж
Клей засох, но *более свежий* уже не купишь
В день, когда подвязка еще называлась паж
Через жанры ходили фигуры любым макаром
По доске и паж пентаклей приносил известие
В соттовесте. Из рукавов пожарных выныривали бекары
А не косточки птичьи. И клены, и пакля седая, свесились
В день, когда высох лак твоей самовитой страсти
И его в бинокль уже не видно, а только свиные ребрышки
В рукаве на каком-нибудь празднике, сколько себя не красьте
Вас узнают и так — и в трапезной, и в затрапезной рубашке.

Грёб наш кит

Шки-пер-дел-по-горло-в-море-воды и альбатрос не узнавал
фарватера

Гемор, а не Гомер — говорят нынешние славяне,

ба-де-шосс не подходит для падеспани

Лишь бушпритная баба в виде тарана, абсолютно не виноватая
Вот и спорим, кто раньше пришел, кто задержался в бане
В переходах берлинских станций, в ограничении прав
Как лицо из МИДа, вредящее пользователям ресурса
Говорят у Армиды был очень любезный нрав
Вы спросите у Тассо, ведь итальянец в курсе
Позабыть этот морок не могут Осип и Бонд
Раз у них из воды без спроса выскакивает нагая
От тоски по иранке, выброшенной за борт
Говорят, только обморок помогает

ПОНЕДЕЛЬНИЧНЫЙ ОСТРОВ

I

Иваново — город невест?
А это остров Невез
Или вообще безымянный атолл
И здесь обходятся
Без аятолл
Не накрывают на стол
Тем более, что
Самостоятельная жизнь
Толпяная
Ушей и затылков
Как ее назвал Мандельштам
Необходима ментам
Нет, лучникам
Легче попасть
В пасть
Киту как Иона
Да бросьте вы луч
Ше велите ему
Волосы сам не сможет
В шлем и обруч
Душой
Добрые дикари
Чур без меня
По или не
Дельное что-нибудь
Там без обмана

Ёшкина удочка
Ушицы поешьте
Власть нагана
Была единственной
Признанной властью
Пишет историк

II

Основа острова
В остроте выбора
Между
Строгими притязаниями
И тропическими
Претензиями
В идеале —
Трогательным ожиданием
Оригинальных теорий
Решительно хороши
Территориальные
Ритуалы и
Церемонии
Какая-нибудь старая фраза
Трюизм
О ремонте обуви
Произнесенная на французский
Манер
Пароль:
Ранцы отправились в ТЮЗ
Отзыв:
Износ минимален
Вопрос викторины:
Что же роднит
Девушек и гирлянду?

Ответ:
Нерпа, манкирующая
Акваторией
Комментарий:
Ответ неправильный
Ширина острова
Уже ширины брюк
Расстояние
В одну строчку
(Дольше идешь
До рюмочной)
Притален остров
Как «Дуглас», обуглен
Так много углов
Глубину определишь
Количеством тропов
На глаз
В котором не действует
Атропин
Тропинками
Атрофировавшимися от
Дефицита следов
Бефстроганов
Съеден еще вчера
Доктор Астров
Закончил прием
Фон Корен
Фамилия дедушки
Помните, что сообщал
Об астрале ван Ходдис?
На всё есть время
И еще
Безымянная власть

Жертвенный человек
Сторожит остров
Желчный человек
Сорит остротами

III

Он закатывался в сентябре...
И. Сельвинский

По водам талым в ценностях двора
Она была принцессой и весной,
Летала нарасхват и на ура
И всем казалась феей записной.

Абьюзами и триггерами — тень
Отца, который Гамлету не брат —
Наполнена и вдоль, и крестно, всклень:
Воскрес? Интрига? Блюз? Не разобрать.

Как частный случай в комнатах Зантэ,
Наваришь дров, оставшись без частиц.
Плевать на не, и нано, и «Антей»
В Днепропетровск нес луч, и Ней для Тиц,

Почти хозяйки замка КаДэВэ,
Глядел на дно деревьев, потроша
Водяру, что так тихо бжеги рве,
Как будто не болит ничья душа.

Но прячутся в шагреновом танго
Шарманщик и сто первая верста
Ты для нее готов был неспроста.
Стать князем и рогожей, кем уго...

Дно... щупать, и взрывчатку колупать,
Мостырил бы каррарские мосты.
Цветет затык, целебная напасть,
Мы рожами не вышли. Знаешь ты:

«Чужим вошёл сюда я и уйду
Чужим как прежде», — Мюллер держит речь.
Ни Шульберта, ни Штирлица к суду
Не привлекут. Их не за что привлечь.

Та жизнь загадкой рушится в мольберт.
Октябрь, Шана това и Мазл тов.
Кому-то не хватает толстых Берт,
Кому-то просто шифров и шрифтов.

Танго-гиньоль на вынос суть ту гоу,
Знать, череп не выносит гильотин.
Не навестать, смешался смех с тугой
Материей. И таял дермантин,

Суть гранитоль, ободранный с дверей,
И минерал в июльский твой мороз.
(Мэр острова был вовсе не еврей
И даже не любил карьерный рост)

И серпантин-простак в твою печаль
Так рикошетил, и спешил взащей
Прогнать спектакль, и выйти на причал,
И встретить там знакомых алкашей,

Что плачешь, хоть уже совсем большой,
И киснешь, говоря себе: окстись,
И знать не знаешь, не кривя душой,
Как без нее летать и обойтись.

ОСТРОВНЫЕ РОМАНСЫ БЕЗ ОПУСНОГО НОМЕРА

I

она? к тебе? добрей?
да никогда! по-над,
при аспидной игре —
контактный детонат.
самсон мелькает в СМИ,
спешит гектопаскаль
наверх воды плесни,
ошпарься, рта не скаль,
пусть плесень первый гость,
без стуков и звонков,
не жаждали небось?
что нужен перископ
не знали в эту рвань,
в такую ширь забот
полдня переоргань
и ей впиши в альбом:
любовник твой — ни зги,
чубар или каур,
джигитом из тайги
крадётся в сердце бур.

II

В дупле живет морковь,
рвань в желобе — посконь.
Зиял Зия-уль-Хак,
гармонь цвела в руках.

Представь себе — ты конь,
летишь со всех подков,
спешишь куда-то нах,
который лайф и хак,

и кайф, и тег, и хеш,
и бук тебе, и фэйс.
(На миг направлен буг
и фейк замедлит бег).
Здесь были Чук и Гек,
и эпос Гильгамеш
читали, как судьбу,
под вальсик Эдельвейс.

Повальный нарциссизм.
Кричат: себя люби!
Повсюду эксгиби
цианистой росы,
Настырность монастыр-
ских изб и мы засим.
А в альпах варят сыр
и смотрят на часы.

И Мотря Кочубей
в лохмотьях, и окоп.
Несчастливая любовь:
Арина, Ермолай.
И фраза «хоть убей»
рифмуется легко,
с берлинских берегов
идет борьба за лайк.

И Пушкиным давно
замысленный побег
пора осуществить
по суше или вплавь.

Пускай свое рядно
мошенник Цуккерберг
ткет дальше, ты его
на мыло переплавь.

Разрушенных надежд
пещерен гуталин.
Взыскуй сезам и сим,
ведь женщина твоя
болтает на фарси,
и прешь как Муталиб
с предложом на падеж
из пункта «а» до «я».

Бля, нравится Берлин?!
Зря слышен светлый лай.
Стремимся в Васюки
и реют на тропе:
коннопке, конопля,
безжалостный верлибр,
крутой тоски елань,
и полный МДП.

III

Минуты от ФАПСИ до иваси
Как ноты фа в гортани Досифея
Хватает для того, чтоб тетя фея
Дорогу позабыла в жилмассив

Где тянутся кофейные дома
За тем, о чем ты в детстве недотумкал
И прячется успех в афишных тумбах
Секрет его, рецепты, жизнь сама

И школьную зашкалившую дверь
Меня на любовь и беспорядки
Хоть притчу от балды до января тки
День деревянный делится: на две

Ристалищных площадки, два окна
Две голени тихонько партизанят
В рязани или сызрани она
Вам не понять, усевшись на бизани

Седьмой был фут на ладан ли, на лад
Колготами и колой, алкоголем
Здесь спирт, и сквирт, в шкафу журчит смола
И благодарный вспыхивает голем

Снабжавший и летящий на тоску
Галимый и родной любовный трепет
Пари держать, что в городе Moscou
Коньяк «Наполеон» течет по репе

В динамике сильней Мирей Матье
Становишься на редкость расторопным
Налейте в это варево сироп мне
Поверю я любой галиматье

Но нота си отчаянно форсит
Назло драматургии перебранки
И тихие нарядные иранки
И старые целебные дворянки
И птицы галки, словно иностранки
Общаются со мною на фарси

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ № 2

Чибис никогда не увлекался сибирским панком. Хотя трудно было пройти мимо каких-то фигур. Например, мимо одной девушки, которая была категорически против какой-либо рекламы. С чем чибис был полностью солидарен. Однако чибис знал поэтов, выступающих не только со стихами, но и песнями, пронизанными фолковыми шуточками-шутками. Чибис вспоминал и про сибирские реки. Про один из альбомов Летова, «Прыг-скок». И много чего еще. И всё же текст чибиса ритмизован не как панк или рэп, а как рэг. Его можно мелодизировать одним из самых известных рэгтаймов. Но лучше читать на русский лад, здесь очень важен распев. Вообще обозначим нижеследующее как песни народные, собранные чибисом во время полевых исследований.

ЗАОСТРОЖНЫЙ РЭГ

Обличают наши ба
бы мужчин,
Обливают тем, чему
каменеть.
Гусь в башке летит, и нож
перочин.
Ый-река течет из Ты
ма ко мне.

Грусть летит и мучит ночь
напролет
Безразличное молчанье
твое,
По степи или по тун
дре вольет
Прямо в жилы золотое
шитье.

Грета Тунберг всех возьмет
под уздцы.
Над столом ее портре
тик повесь.
А пока паромщик пра
вит концы,
Корешками мы пита
емся здесь.

Ни сторожки, ни жилья,
кореша
Ромом лечат ту печаль
холодрыг.
Ноги-ножницы в прыжке
антраша
Режут пленку, но не «Скок»
и не «Прыг».

Сколько можно в Тым впадать.
Это транс.
Мы засранцев ранцы ставим у парт.
Холостяцкий дым станцуем на раз.
И на Север, как учил нас Истпарт.

Не тоскуй, ведь здесь не хлябь-Колыма,
Если есть еще один водный тракт.
Говорят, что скулы сводит с ума
Арво Пярт, а также скрябинский пакт.

Но эстонцам будет сложно ругать
Ту психушку, где ушел президент.
В море Лаптевых впадает нога.

Бабка Ёжка здесь и даль
ше везде.

Девятьсот км, Сартанг,
Дулгалах.
Высота истока сто
тридцать два.
Самандон — не вурдалак,
не Аллах.
В руки флаг, но ты остань
ся сперва.

На участке Батагай-
Верхоянск
Гаплогруппы Эр один
и У два
Ты меня так не ругай,
я не пьян,
И у дятла не болит
голова.

Плечевая кость уже
не болит,
Тихо брешет плейстоце
новый волк.
Сорок тысяч лет назад
завалил
Рыболов какой-то древ
ний его.

Электричка, и биплан,
и торцы
Старых книжек или хлам
в рюкзаке.

Это речка или кличка на цы-
Почках спелых, это крюк
в потолке.

Но перцовку пей, ведь всё
на фу-фу.
Кто нанижет ряд случай-
ных стежков?
Держим головы мы в книж-
ном шкафу,
Заряжаясь от чужих
корешков.

ТУНГУССКИЙ СТОМП

Есть пилюли от войны
или люлечки покрепче?
Но, голубчик, Х.З. чо
чур вообще не предлагать!
Надо высушить штаны.
Оказался очень репчат
клубень. Время не врачом
промышляет, а врага
пародирует. Белки
розовеют в мелкой сетке.
Падать некуда. В.С.
прав. С балконных челюстей
аполлоновы колки
всё слышней, и очень едки,
и растут как лишний вес
из аккордов всех мастей.
Едет-едет паровоз,
это детская считалка.
Жил отважный крокодил,
он моря не бороздил.
Стоеросовый дебил,
если шифр не читался,
значит знаки арт-нуво
оказались позади.
Налюбуется любой.
Хоть приметы так проворны.
Обойдемся. Примем бой.
Без палат, весов, комет.

В полночь скачет Холстомер.
И стихает тошнотворный,
устаревший, как жабо,
никому не нужный метр.

ЕРМАЦКИЙ БАУНС

Вот загадочный лофт,
исподлобья толкуемый двор.
Никнут все потолки —
Вместо люстр, ни к чему не придраться.
Пух гагачий, как флот,
И улов, так поставь на него.
Мелким кажется скилл,
Тот, который лишен иллюстраций.
Не судьба занести
В твой блокнот, распечатать, как сны.
Не зеркалится он,
Даже в линзу не пойманный навыв.
Остается настил
На мосту через чувство вины,
Превратившейся в стон
Или новости сточной канавы.
Тараканьи бега,
Всю любовь упразднив на корню,
Будоражат опять
Бесконечную глокую куздру.
Здесь веками Яга
Угрожает устроить возню.
И таращась, как тать,
По оглохшему в праздник искусству
Загундосит халдей:
Вещий камень истерт на версте.
Вещь свернет не туда,
Не ко сну посылаешь навеки.
Бузотеры идей,

Крестознавцы берут города.
И пиндосы не те,
Кто канает под эти камбэки.
Гуталиновый страх
Пусть растратит запас темноты.
Луч пройти не сумел,
Загружая пронзительный трафик.
Но в заемных мирах
Не возникнет такой же, как ты.
Тихо крошится мел,
Упрощает дурацкие страхи.
Не прощаясь, прощать,
Иль удел незавиден такой,
Ведь удельный нойон
Подчинится любой прощелыге?
Там вдали за рекой
Камни в росстани мечет праща,
Путь росой напоен
И гремит, будто глыбой по глыбе.

БАЙКАЛЬСКИЙ ДЖИТТЕРБАГ

как до Алдана будет ближе
Иосиф Уткин

Дважды уже не войдете в курятник
С камнем подводным.
Важно, что станет твой фартук опрятней,
Что-то подводим.
Не подвести бы друзей, а покамест
Множим итоги:
Пустошь вынослива, сердце — не камень,
Пятна на тоге,
Шов на колготках, тело и локон
В дом францисканцев;
Праздник под водку, стекловолокна
Коммуникаций.
Разница всё же — штоф или брови —
Чайки из дома домиком чайным.
Что нам итожить, братья по крови,
В сайках подовых, в гирях пудовых,
На обечайках?
К зимней заимке заячьей разве,
В той Мангазее,
Вы улыбались разной заразе,
Цел магазин и телесообразен
Чучел музейчик.
Чуден тулупчик и слепок пожара.
Без обещаний
Странная глупость налево бежала
За овощами.

Цел баргузин, и Тюссо отдыхает,
Путь до Алдана.
Кто ты жена ли, невеста, сноха ли?
Примем как данность.
Светит в окно подозрительно верно
Зрительным нервам
Этих небесных качелей таверна
С треском фанерным.
Скачет на лосях по старым ухабам,
Кажется кухней.
Луковый клопс мы оставим лукавым,
Пусть себе тухнет.

ЛИТОРИНОВЫЕ ЭТЮДЫ

ПОСЛЕ ФИЛЬМА

Сома огромных размеров нашли
в реке под Черкассами
(из ленты новостей)

и я знавал седого грека
он был отцом контрабандиста
рассеян день и льется млеко
на месте солнечного диска
он подрабатывал в яхт-клубе
его девчонку звали Санта
(рыбачка с балтики полюбит
в лучах янтарного десанта)
план отвратительно заманчив
в тряпичном мире нет игрушек
и младший Дорсет — милый мальчик
однако Билла тряс как грушу
виновна игрек-хромосома
в разведку с ней, она не струсит
найди в пруду хромого сома
и ущипни его за усик
еще попробуй грабить будку
где правит старая дворняга
а жир смущается как будто
но говорит, что он ни дня бы
не задержался в рыбьих чреслах
костяк навроде комбидресса
дрессура помогает слабо

на берегах древесной лавы
кору и камбий будем трескать
когда космические тучи
торос трещит и льдину пучит

Онегин жил тогда в Одессе
и в Каменке, но если здесь ты
здесь и сейчас, какая жалость
твоя подруга разбежалась
знать скипидар иного века
кипит и парит человека

от галактических невежеств
уехать в город Паневежис
где литориновые сосны
искусство весен високосных
вискоза плещет у виска
от эпоксидного эрзаца
давно пора нам отказаться
ведь есть и килька, и треска
как говорил мне друг Касмынин
как путь, намеченный треской
как Строк в Харбине-Хошимине
здесь нет покоя и в помине
/капут банд(у)ре есть покой/
от паводков и бифуркаций
и женских чар не зарекаться

ночные тени пляшут дико
сожжен в камине Жан Жене
меня не хочет Вероника
я нравлюсь с ником и без ника
но только собственной жене

не скроет лучший пиджачок
твой отвратительный гештальт
дверной моргающий зрачок
и на цепи штабная сталь
и щуритесь во всё лицо вы
и посещаете балет
тускнеют руки, окольцован
на апельсиновом столе
на рюмках цокая, меня
моя красotka не догнала
из панорамы звуков дня
нацедают сонные сигналы
«У Менелая» болтовня
клубок бесед о Че Геваре
компот, кипящий в самоваре
чай из пяти счастливых трав
мышкуешь, даже проиграв
но мешкаешь, зайдя в виварий

из допотопной конуры
давно затопленной слезами
уже не помня о сезаме
наружу лезут гусяры
и о тебе они поют
на лоб картузики надвинув
(и кони взнузданные ино-
ходью, хоть ты почти на юг
где греки под одной обложкой
и не свирепствует тоска...)
сегодня вам сыграют ска
Сковороды на тайных ложках

казачий курень, финский нож
купи три диска на горбушке

«Поет и пляшет Иссер Бушкин»
его на патоку умножь
в саду ли, во поле, во сне
чарльстон и вопли на рояле
в часах завелся постоялец
ну вот и всё, а вы боялись
что ялик веслами в вине

ИЗ АГЕНСКАЛНСА В ЧИЕКУРКАЛНС¹

В Чиекуркалнсе, предместье Риги,
все улицы называются линиями.

Из путеводителя

Вручную стряхивая пыль безумия...

И. Бродский

...И не хотеть мяса... В розовых водах Даугавы

Базилий Плиний, римский поэт 16 века.

От Макса Клингера до Бальтазара Руссова
Наш голоцен не брезгует напраслиной.
На том конце любовь сплавляли руслами,
Утратившими линию за пряслами.

Но конь поет, по Ояру², коровам всем
Пример дает. Пасу его на лестничной.
Меняюсь и смеюсь я ежемесячно,
Чтобы другой тебя не очаровывал.

Сегодня чу, несет протока Зундская
Щи поутру иль борщ, пойду проверю!
И привинчу как лишнюю презумпцию
Щиток с почтовым индексом над дверью.

¹ Исторические названия рижских микрорайонов.

² Имеется в виду выдающийся латышский поэт Оярс Вацietис и его стихотворение.

Пусть юного предпочитаешь Плиния,
Лишь иногда мое читая варево.
Солги, что потерял я нашу линию,
Но на себя не вздумай наговаривать.

* * *

Но я,
Но ямб,
В ноябрь,
Наивняк,
Наяд неявных,
Возглас
На*бнуться
На ялике,
Желание ярма,
На ямы набрести.
Безвыходною явью

Всё далеко зашло.
И ухо превращается в розетку
Для штепселя. Ты ошалела, детка.

Роняет лес железный лифорол
И хвойный сеттер шепчет мне: «Старо!
Не завоюешь заводской поселок!»

Теряет ритм осенняя кровать.
Быть или жить? Клевать, околевать?
Здесь вместо писем желтая листва,
Среди сварливых, ветреных, матерых
Холодных антиподов в виде щелок...

Живем мы редко, Ксения права,
Как *отданное*
подарить
еще раз?

* * *

Горка посуды рождает сотню вопросов:
Кто на раздаче сегодня?
Кто попал под нее,
Кому достанутся бивни?
Ты заговариваешь свой фаянс,
Получается известь,
Гашеная или нет,
Подсовываешь ее как добрые вести,
И марки первого дня, вместо муки,
Миндального молока или кокса,
Предлагая другие формы альянса,
Но больше не производишь гайки,
Пытаешься сделать ноги,
Заварить кашу,
Аварии избежать,
Обезвредить сточные воды,
Корни зубов,
Зная меня тысячу лет...
Однако именно это тебя пугает.

**ВИНТАЖ:
RARE, LOST AND UNRELEASED**

Говорят, что тепло, на которое нет цены
(ндс следует вычесть),
загребается чужими руками, скорость движения желвака
в Одессе
сравнивается с темпами гвалта, ветром выпрямленного
аж до Вологды.
пацаны кажутся тебе дураками в нежные десять,
в тридцать — лучший вариант — добычей,
худший — обычной сволочью.

не выпаливай на меня шары, если я без зонта по газону
выгуливаю в шароварах
очередную халду, пока та не полностью охамела.
это наизнанку вывернутая себя демонстрирует
линейка товаров,
если хочешь, просто шкала и горизонталь примеров.

83

на днях прочитал объявление: имярек продает щенков
таинственного окраса,
побывавших в лапах дантиста и логопеда.

итак, торпеда не пущена, стало быть, не во вред
и не создан кратер.
прецедент ли это и новость? скорее, нечаянная судьба.
с возрастом, как говорил один еврейский оратор,
взрослее мы не становимся, и этим отличаемся от собак.

травля подразделяется на воображаемую и морскую,
выпускник вхутемаса
крикнет «ахой» речному трамваю или «адю» из скромности.
самый преданный пес обычно тоскует по свободному мясу
и готов проглотить попадю, но это его подробности.

инертный металл седой, амальгама не вязнет,
кошка, даже самая ласковая, видимо, не так голодна,
ластится, руки лижет, но к себе не подпустит близко.
всякий стакан с водкой или водой осуши до дна,
пока над ней не резвятся сарганы, оляпки и василиски.

обойдемся без самокопания.
за окном слышно пение контрагента.
дармовая овчинка никогда не выделялась,
однако рождает у волка желчь.
с кондачка каждый жест чересчур кондовый,
(на слух не пойму — сердечный или тяжелый).
впрочем, вернемся к теме, я
думаю, что лучше спальный вагон в Испанию.
эта страна сумеет тебя разжечь.
и кáрмен — только песня или легенда,
рекомендованная
для внеклассного чтения,
хотя вареник до потрохов разжеван.

до петухов. брошюра на гребне. для записей.

шестьдесят листов,

срок годности неограничен.

(найди шестьдесят отличий: например, черный мобильник

вместо черного пистолета.)

стрелочник выпущен под залог, подстрелен лесничий,

того и гляди, в нашей деревне наступит простое лето.

ПУНИЧЕСКОЕ

Что такое беспроводная бюрократия, беспроводное ситро?
Кто этот бородатый лишенец, прикорнувший у гарпуна?
Ах, вы знаете слово «гарпун»? А он сложнее, чем
семимиллиметровый патрон,
И его уважает всякая ценящая себя шпана.

Пока искали рычаг, на который можно опустить черную трубку,
добрались до сказочного айфона,
Из богатой Одессы с любовью мимо горы Афон
в Богарта Касабланку, прочие киноленты.
Цех натюрморты посеял и вышел в чат, остались пустые
бланки, портреты фона.
Cetérum censéo Cartháginem ésse deléndam.

Время мест, недоступных для сыска, куда не ганивал Ганнибал,
Изучая вред от мистраля дующего с Севенн,
от галимых яблок
Удлиняются уши, носы, изгоняют из рая, однако пускают
на сеновал.
Эриды и Геспериды всегда сторонятся дряблых

Бревен, редек и брюкв, заяц питается берестой,
Дискордианство проповедуя завсегдатаям московского яра.
В небе орден, который нужно обмыть, дискобол
употребляет настой,
Редкий трюк, на котором ночь поддатая настояла.

Почему поддтая? Хмельная от раннего молока и озимых звезд.
Каждая безмятежно висит, молча и мирно катится
по ракорду.

Осенью закрывается и хамит забористый перевоз,
Кальвадос или сидр выбираешь и бьешь рекорды.

Металлический реверс (привкус?) от яблока до ребра
не касается экивока,
Который вполне *mondain*, но кобра кивать на классиков
не согласна.

Да здравствуют Жан Дюжарден, ваша дикость
и наша фактическая тревога,
Оттененная образами чувственного соблазна!

Финики и гранаты, высота каблука, на которую все запали,
Модное слово «жесть» хочется заменить на вывеску «до мажор»,
(пусть мутирует в «до минор»).

Как известно, Тунис — не Танжер,
в череде североафриканских паник
Оказался первым камешком домино.

Серебряный сук определяется по числу румяных щедрот,
Отпечатки скатов, зноя или коры — по незыблемому рисунку.
Всё как было, *cheri, c'est la vie*, колбасою падает бутерброд,
А ремень норовит залететь под сумку.

Однокоренные снегурочки, огурцы, самый мощный комп
Переводит в цифру прикосновенья.
Матч закончен, яблони, наладив свой перископ,
Иордан увидал вместо мачт в Равенне.

Любая школа начальна, изучают только азы,
Мириады черных песчинок сложены в белую ноту до...
Егория, дающего переход от жены, встречает
киевский поводырь — язык,
Который развязывается в ожидании тщательного Годо.

ИГРА В КЛАССИКИ

И контур блуждает ее, свиреп
Алексей Парщиков

Не догадаться, не расслышать,
Идти калякать...
Иосиф Уткин

Косатка — млекопитающее
из подотряда зубастых китов
Словарь Брокгауза и Ефрона

осталась жу́желка? жу́жёлка?
фрагмент осадка,
аде, францу́женка Анжелка,
моя касатка.

Алеша, помнишь эти доски,
где в два присеста
творили Палмер и Твардовский
для палимпсеста?

красотка — форма крокодила,
но вы смеялись,
в стране, где секса не водилось:
спасибо, аист!

ты — выпь, тебе и камень в руки,
каштаны зала,
так выпей с классиками в группе
стакан нарзана.

здесь вам не темпель ширли мырли,
кафтан не шили,
кругом алмазы опер мыльных,
интрижки шивы.

соль марлезонского балета —
как дрек без перца,
девчонки любят только летом,
товарищ сердце.

дрянное дело — день ничейный,
в эфире деньги,
твоя окалина зачем мне,
окраин дебри?

шуты для питерских и рижских
пустых нагурций,
мне подарил товарищ книжку —
спасибо Штурцу.

я наугад ее открою,
коль час плачевен,
пусть резкость дня усилит втрое:
спасибо, Чейгин.

мы комикуем сыто-пьяно
до полной кучи,
нет обезьяны без изъяна,
зато не скучно.

нуар, мажестик шли на мыло,
эмаль — не жостов,
под носом девочка хамила
по-женски жестко.

кому нужна такая проза,
не расквитаться,
начало Бегина и просто
начало танца.

бегите Лола и Менахем
из Брест-Литовска,
фон Кюльмана послали на хер,
доска и только.

как слоган тщательной таможни —
пожалте бриться,
ищите женщину, а может,
ищите принца.

уже снежинки сыплет осень
в начале текста,
опять нажмешь три раза восемь¹,
и звездам тесно.

¹ Тут дело не только в знаке бесконечности, но и в немецкой компьютерной клавиатуре. «Русские звездочки-снежинки» спрятаны именно под восьмеркой.

* * *

куда идет тополь в мае?
как гордо его молчанье
В. Липневич

Когда не в битуме Батум
И не скворчит тум-балалайка
Собаки Лайки батискаф
Я вижу турка за версту
Его скворечня и фуфайка
Уже отмечены в веках

Признайтесь: сеяли фуфло
Когда мерцали канделябры
Расхлябан был любой рояль
Вам несказанно повезло
Вы наступали лишь на грабли
Которых во поле стояль

Возможно целый батальон
На берегу ликует рыба
И нет ответа на полях
Куда спешат хреновый клен
Тесовый сук рабочий выбор
Еловых радостей топляк

СЮИТА ОЛОВЯННОГО СОЛДАТИКА

1. ЭКСПОЗИЦИЯ

На протяженьи многих зим...

Б.Пастернак

Где-то в зарослях красавки
Притаилась хата Савки,
В заповедных палестинах озорная дребедень.
Синекура? Синекдоха? Синь? Брани меня дуреха,
(Как лох^а или как лóха, лопуха и скомороха —
От меня одна морока, тридцать три переполоха)
Здесь, подруга, всё заглохло и давно не добрый день.

Лупоглазые лягушки — даже те с рефлексом рвотным
От нервических рефлексий пропадают на корню.
Боль идет на мировую, сушит весла, глушит водку,
Рыба дернется на леске, пульсом, поданным к огню,

Как Леонов «пасть порву я» повторял своим ребятам,
Можно цапаться без мата — обойдемся парой фраз.
Хмырь опять запрется в ванной вместе с ложкой деревянной,
Чтобы грусть по каше манной запивать вином Шираз.

С той поры, как ты исчезла, всё не так, признаюсь честно,
Ведь бумага стерпит жесты, но держаться на плаву
Так ей, женщине, непросто, перепутье — это расстань,
Расставались мы под Кросби, и Сочельник был морозным,
Был запас подарков роздан, и «Улыбкой» Эдди Рознер
Завораживал Москву.

2. ИНТЕРЛЮДИЯ

С бубновой яблоней мириться
Призывал Леонид Губанов.
Что я наделал, я погиб —
Восклищал герой Маяковского,
Сравнивал себя с отпущенником
В тиаре Виктор Соснора.
Виталий Кальпиди считал поездку
В Умань с каждой из них
Весьма полезным занятием...

В моем лице ты не нашла ни мачо, ни принца,
И теперь, словно лезвие, хватаешь губами
Воздух комнаты, голые стены, двп и регипс,
Пиво — нахально, упаковку за упаковкою.
Беловежскими пущами, райскими кущами
Двигается зубр (заложник минора).
Промысловая рыба дергает леску,
К удочке дуремар приник.
Кохана, я качественно невнятен.

ДИАЛОГ

1

решение с запасом крутизны
ты давеча заметил что нигде
не значится заведомая ложь
работа отвечающая дня
задачам и потребностям усвой
такой простой быт нудный распахни
окно на стадион «Динамо» сам себя
(и кружку) подпираешь и бумаг
тесьмы катушку бухту одолжи...
спешите в Ригу — способ не стареть!

2

Найдётся адресат и на Луне
Но в Энск ты лучше писем не пиши
Как в город отвечающий но не
Являющий лягушку камыши

Забудь короны не было дай в нос
На счастье тараканом товарняк
Быки речные скрежет на износ
И полукруглой фермы пятерня

А в Баде — воздух, в Баде на курорте
Затерянном в отсеках обещаний
По теме (если честно) по природе
Которая туриста не прельщает

Промозгица нам капает на мозг.
Под совами на Ангере ремонт.
На кремерский эпиталамный мост
Просовывает выжатый лимон,
Вползает, словно сжиженный азот.
Про эрфуртскую фирменную скань
Ты эльфами из студии изо,
Гуситами расскажешь. Перестань,
Промозгица. Ты капает из зорь,
Строчишь, как раньше пулемет Максим,
На бюргельскую крапчатую синь.
Так Расскажи на всякий — ху из ху,
Рецептам внемля доктора Воф-Ху.
Распашка шла несобранной козой.
Как звался хан? Кончак, Кучум, Азой?
Хусим!

* * *

Штрих-дождь и кроет и кроит
Недельный цикл из акрила.
Поделим на троих бушприт.
По жердочкам и по перилам

Придёт балясиной четверг —
Бороться с Зигфридом в бургундах.
Как был напрасен универ,
Когда блатная Кунегунда

Училась опрометью в нем:
Ворона, пробка и неясить.
Со всех сторон банальный мем,
Так не точи свои балясы,

Не разводи водой, бася:
«Ту би, ор же не манж», будь краток.
И, распоясавшись, как Ся —
Династий жёлтый император,

Забей по желудю на треть
Под самое дупло и дышло.
Еще не поздно подобрать
И лишь потом допеть камыш свой,

Забыть посконное шитье,
Всё вдоль горошка да барвинка,
И заглушить галиматьей,
Когда пройдут угод и винтер.

Нужны капуста, короли,
И сухостой, и судоходство,
Уже не купишь на рубли
Халву, халяву или сходство.

Не для трусливых — мюзик-холл,
И ветхость, быт случайным коштом.
Так занесите в протокол:
На чайку с ветки не похож ты.

(Похож, развернут коростель,
Лицом на волны или вина.)
Ни карту заменить, ни тень.
Лишь нить на веточке совиной.

Фонари над подъездными путями
 светятся словно купол,
 потолок какого-то зала,
 яблоко разрезанное — как первопричинное место.
 Знаю, что некоторые сопоставления выглядят глупо,
 и если не продолжать базара,
 то можно воспользоваться скорописью армейской.

пепельницы из стекла муранского, теплые до мурашек, старые тембры сельмера, сдобренные эбонитом... Темы, о которых не велено спрашивать вечером, спозаранку, так же, как тупо напяливать доводы белых ниток.

ЛИНДЕ ЭРКЕР

Не бзди, когда твой бёздэй наступает,
Но всех от дифирамбов отвлекло,
Идешь по кромке мощного припая
А он вообще ни рама, ни стекло.

Как промолчал Арчил Гомиашвили,
Игравший то Остапа, то вождя,
Видать, друзья себя не проявили,
Лишь дуясь шаг за шагом и годя.

В харчевне подгорели чебуреки,
На реках вавилонских степь да степ.
Как говорили древние ацтеки,
Stay hep!

* * *

Ах, город, где в моде — морока
И мыльная склока, и драка,
Где с желчной ухмылкой пророка
Мороженым кормят собаку,
А пес восклицает: «Начальник,
Забудем и визги, и дразги,
Покуда, бряцая мечами,
Мы в них до конца не погрязли».
Не внимлет, капрон проверяя
На прочность, лелея динары,
И трели от края до края,
И юг твоего разгуляя,
Распутина и коммунара.
Распутица сменится вьюгой,
На новые выси нацелься...
Как стрелки — по кругу, по кругу,
Трамваи несутся по рельсам.

КУПЛЕТЫ ШАРМАНЩИКА

Ты очень вовремя уехала
Когда не кончилась чукоккала
Пока не ёкало прорехами
Тремя волшебными орехами
Топтались мы вокруг да около
В трех соснах мы питались пряником
И чунгачанга деревянная
Страна удобная как ванная
Куда-то чапала упряменько
Под аллофоны безударные
И переходы календарные
Веснянка с круглыми коленками
Была похожа на календулу
Еще в груди горит геральдика
Шурша значками и цитатами
Еще не чокнулись два мальчика
Любовь твою деля на атомы
«Мне, — пел пиит, — достались площади
Да пар, да небо голубое...»
А этот парень по оплошности
За нас двоих живет с тобою

ЛЕТО В РИГЕ

(Макабрические макароны
под пастернаком)

Слезятся дни, облезлой ночью
Следит за мной Помехин справа
(Хотя по правилам он слева).
Ты летней числилась отравой
Во всей механике полива —
От пьедестала к многоточью,
От шито-крыто до разрыва,
До гнева, льющегося с неба.
Lamenti — признаки невзгод.
Исчезла очередь за квасом.
В ассортименте только *Wasser*¹,
Но он далек от вешних вод.
С утра пораньше *lietus liest*²:
Король оранжевых и рыжих
На откуп отдал весь релиз
Дождям, что бьют по нашим крышам
Здесь девяносто два денька
*Man liest*³ одну лишь книгу Ноя —
Вода, ни капли молока,
Всё парное, но не парное.
Спасут петушку с кукухом,
Еще не розданных слонов,
Неазбучной водой. Листаем.

¹ Вода (нем.).

² Идет дождь (латыш.).

³ Читается, читают (нем.).

Вот Голем-конь, на нем верхом,
Мазай и Зай, вот (в виде слов)
Тела из лета под мостами:
«Не одолела», «стал бомжом».
И схема старая — «Мэ» — «Жо»,
Верзо сияет на шалаве..
Кому «кап-кап», кому «сим-сим»,
Капут, капкан, разверзлись хляби,
Монгол на родине красив,
Латыш вздохнет и скажет «labi».
А ты дудишь в свою свирель:
«Остановите поскорей».
Балбес, забыв про кергуду
И джигурду, и ерунду,
Зудит, твердя, что он еврей:
«Остановите, я сойду!»
Любой вмешается язык,
Но, как актеришко на съемках,
Истратив вёдра и тазы,
Рад обрести любую емкость.
Я перестрою свой сарай
Под пункт приема стеклотары:
«В трамвае — лужи, *kāp-sim ārā!*»¹
«А что снаружи?» — «*Vas-ara*»²

¹ Выходим наружу (*латыш.*).

² Лето (*латыш.*), в данном случае «фонетически» разложенное на немецкое was = что и латышское aga = снаружи.

* * *

Что скажешь, ребе Элимелех?
Мы все расстанемся allmählich.
И злое время перемелет
И Мелехова и среду.
Когда-нибудь другой Емеля,
С утра пораньше хлопнув эля,
В e-mail'ах, первого апреля
Найдет знакомую звезду.

* * *

Поверь дизайнеру
В этот час
Предпочтительнее скульптура
Чем кошка в замкнутых крагах
Условная туча
Нахлобучена
Спешка хотя и пешком
Торс — лишь пешка в игре
Озорного Пафнутия
Тормоза
Бабы потерявшие стыд
Щеголяют в исподнем
Не вдаваясь в подробные тонкости
Алебастра

* * *

Эти звуки лукавы и грациозны,
Они улыбаются, смуглеют и золотятся
Ведь так и положено в джазе
Как краски на картинах Брюллова
Превращаются в свет
Затвердевший, затверженный
Зиме не хозяин
По теории Константина Сергеича
Как об этом писал Константин Георгиевич
Доктор Пауст
Всё отлично
Ощущение закатилось
Работайте над ошибками
Верьте исправленному

КАРАНТИННЫЕ АПРЕЛИ

1. ГРЯДУЩЕМУ МОЛЛЮСКУ ГОТОВЯ

И, как над примусами пламя,
Жужжит корона над домами
Сельвинский

Растет на спелом поле древний рис,
в китайском жанре злых тысячелетий.
И челы бьют челом и жарят плети:
см и точка! Дальше будет рис
и точка. Только лучше бы раскраска
учебников по темным временам.
За ЗиСом в путь отправится савраска,
пока заразы в гости едут к нам.

Непраздная дурная карусель —
утильно на стендбае, на домашнем
аресте суррогатном. Но отмашки
чума ждет. После Бергамо в Марсель?
К чему бы багатели подверстать,
где было гаже? Ослик старой речи
сидит в авоське гаджетов как тать,
он соблюдет дистанцию при встрече.

Сидит в садке отпущенник. Где сплин,
не Плиний, не тиара, но восьмерка.
Опущен в воду, что казалась мертвой
и черной, и густой, как гуталин.

Повздошно мы починим лисапед.
Infinitus да Мёбиус (не примус —
камин сгорел, звезда неоспорима)
помашут нам с отчаливших торпед.

Бацилла возвестит аутодафе,
измерив гектографию планеты,
фэйсбуча ленту пеной интернета.
Но Мери не высказывала «фе»;
по фене, бродскианствуя, ершась,
всё время повторяя чьи-то вопли,
здесь каждый Бойс был шарлатан и гопник,
хотя блистал без пьяных антраша.

Прильнём к экрану, это шанс и криз.
Онлайн парят парижские в балете,
щелкун не тонет, вновь таскают дети
каштаны. Совершая свой круиз,
здесь варварскими крупными мазками
Минерва отказалась от исканий,
от мескалина, истины в вине.
Лишь музы нервно курят в стороне.

Как много их, хороших! Из Берлина,
с его удобством смол и пластилина,
умильно или с трепетом павлина
и страхом, принимались на ура.
(Эмильевич толкует длиннопалых,
Подсвечниками занят Йосиф Палыч.)
Кондолее словесных перепалок
классическая черная дыра.

Жив дядя. Не особое геройство
лелеять биполярное расстройство.
В своих потёмках тщательно поройся:
коронный номер, несуразный риск.

Привет, звоню не вовремя, я знаю,
опять меня подводит накладная,
в которой ни покрышки, и ни дна я
не смыслю. Заворачиваю рис

в пакеты, отправляю на деревню,
где гладью тишь, Аглая на царевне,
но ревностно айтишники кричат,
рассчитывая чохом на внучат:
«Мечтой горим, хоть чаться, хоть не чаться,
что карантин пройдет под цоб-цобэ,
закроют за античностью фб
и древний Рим засветится от счастья».

2. ИЛОН МАСК И ЦАРЬ ДАДОН

Но дайте жизни... Новый век...
Иной уют, иная крыша...
Иосиф Уткин

Кто восприемлет паттерны твои?
Сияет исторический стеклярус,
Как будто бы он беленьким обрызган.
И пандус наших серых пандемий —
Не повод причитать и хулиганить.
Здесь парус Алишера Навои,
Фелюга, след полета — юбиляра,
Исаака смех, Шербура укоризна,
Киношная, в метафорах Деми,
Электрокары и ISAF в Афгане.

Здесь редко любят, чаще бьют ногами,
Не сброшен с пьедестала лишь Гагарин
И с парохода. Паттерн оригами,
Его поймут японец и якут,

Был у пацаков книксен, помнишь? Ку.
Уран и озорной гексафторид
Сумеют старый опыт повторить
В оригинале, я держу пари!
Наш утлый дом не сник, он просто «крут»
(Так буквой «ять» казалась нота «ут»

В Средневековье). Сменим «У» на три —
Три буквы — это карты или грипп,
Не фриз, а «физ» в отеческом «у-техи»,
А физика всегда в колготках черных.
Что взять с собой на Марс? Бутылку хлорки?
Консервов ящик, фильм «Гори, гори»,
Бушлаты, офицерские доспехи.
Блаженны хромосомы и наколки,
В них невесомость женщины почетна.

Английский флю, что не воспел Хафиз,
Кис-кис, кит-кэт. И флюс. Ты оботрись.
До фонаря: Конфуций, Дионис,
Ведь глушит свет планетный эпифиз
На каше флуктуаций и колоний.
Манон Леско, и Гоцман или Гофман,
Не знаете, достигли берегов мы?
Жизнь перескажет, только в виде хохмы,
Что вам вчера по случаю вкололи.

Напяливай штаны на вермишель,
Ведь весь апрель расписан и прошупан —
Златые цепь и младость, канитель.
Да были люди, как сказал Мишель,
Машков, Вернон Дукельский или Щукин.
Понятно, где гнездится бузина,

Где дядька, где язык, а где в ночное.
И очередность вовсе не важна,
Покуда оголтелая весна
Нам что-то ностальгическое ноет.

По клавишам на цыпочках? Ты вдарь,
Пусть засверкают каплями сабли,
И собери пустые чемоданы,
Как раньше собирали фонотеки.
Что бы еще добавить из картинок?
Мы нынче починаем календарь.
Есть многое на свете: корабли,
И туча книжек, принятых как данность,
Седины и мелки, Мелхиседеки,
Коллекции вакцин и карантиннов.

Вам до Алдана ближе, мой Додыр.
Здесь бон по руслу Лены, парус, рей.
Гордитесь маской! Пусть же одалиски —
Прелестницы, замеченные в теле-
И кинодраме, зрят, разинув челюсть.
Становится желанным всякий пир,
Пропущенный через твою кулиску
Тромбонную, а может, через брэ:
Сардина маслом, Ленин в Октябре
Апрель в Париже, графика на теле...

* * *

Думаю о тебе,
потому что не о ком больше думать.
Как Улисс не думал про Пенелопу,
сидя на эгейской запруде,
или Брехт про жену-еврейку.
Есть ли разница или йота
между тобой и «Спрайтом»,
«Динамо» и «Спартаком»
в перерыве матча,
окромя литров или цены?
Газированная вода с сиропом
проникала в самую грудь из
автомата на перекрестке.
За три копейки,
что твоя «Кукарача»,
навевая сны,
чуткие, как чулки,
транслируя литеры «а» и «б»,
с шансом выбраться из переплета,
несмотря на трудности копирайта.
Всё по сути так просто: закрыт райком,
в поисках рая политики в телогрейках,
будто призраки, шляются по европам,
встают, не втирают, собирают очки.
Хор № Т. голосит майн нешуме,
Хор № П. зарабатывает на березки.
У всех «сильно развитый орган полета».

Вода боится вторжения тела,
тело в данном случае — долг,
плюс — автоген, патоген, шенген.

Гладь бассейна регистрирует всё, например, шер-
шавую драпировку, если прыгает человек в одежде;
шерсть, если это любимец домашний, а не плюшевая коала;
или жёсть и железо, это когда киношники удят,
купают машину;
или бандит выбрасывает вещдок, после другого разреза;
звуки песен Шерилин Саркисян.

Меня интересует, замечает ли Букингем —
пресловутый дворец между
раутами (вечер за вечером), пробелами,
отдыхом от скандалов,
рокировку инициалов британских премьерш,
движения общей для них даунинговой души (но
«Титаник» покинул док, где-то гуляет дог). Кажется, там и сям
буковки всё же — ТМ:

Тэтчер Маргарет, Мэй Тереза.

Впрочем, зачем нам про этих дам и господ?
Исчез косметический, рисовавший стрелку на
долгой ноге, сравнимой с биг беном,
чей будильник настроен на ...Т-надцать ден
и, конечно, выглядят офигенно
для всех тех, кто пока еще джентльмен,
сломался графитовый, с грифелем кохинор в стакане из-под,
и хотя дозаторы перекрестки утратили,
граненые еще раньше украдены,
отнюдь не лафит, а обычный Швепс,
мать честная, гуттаперчевое МЧС,
иногда замороженная моржиха,
почти квадратиха, подожди-ка
иногда, острая как аджика,
осталась только она.

Так, давай поздороваемся, ты на всех одна.

Вода. Или другая деталь — обычная карандашина,
про тебя поют буквари,
музыканты Рознера и Кондрашина,
как с тобой могу не считаться я?
Ты моя трансцендентальная медитация,
и тяжелый металл, и тунгусский метеорит,
теоретическая и тепловая механика,
телемаркетинг,
а может быть, транспортный мусоровоз,
транспортная мера полной вместимости,
но из очень большого леса вестимо ты,
а я лишь из дому вышел на сильный мороз,
я тише мыши, и вишни, и песни о вишнях,
и дяди Вани, а ты займешь окоём
насильно-нахальненько,
ты сама себе Only и Fuck You и ствол ТТ,
ты способна на тот еще фортель, на фуэте
прямо по наковальне, будем вдвоем, создадим артель?
Разнесем старинную карусель на атомы
и простятся долги мохнатые.
Ты, пожалуй, когда-нибудь будешь дерзкой,
только кем же становишься ты теперь:
температурой плавления или техподдержкой,
типовым проектом, подстанцией трансформаторной,
наконец артефактом из Ак-Тепе?

Мы еще эге-ге, сделали ЭКГ,
одеди гофрированные КЛГТ —
в рубчик ХБ, выпили дерезы экстракты,
спели песни Тэзе,
завели тракторы ХТЗ,
двинулись по старинном тракту.

Пи — число, как звезда, горящая во лбу скорого поезда,
должна восприниматься и
превращаться в праздник. Но число Воббе важнее.

Ворох эмоций
газообразен. Тепловой поток, который нам предоставит газ
должен сохранять известное постоянство, однако
воистину, понять не сложно, что любая слеза
несет куда меньше критической информации,
чем капля крови или вода, и состав ее меняется всякий раз,
от глаzenia в оба, погони за нею, а также за
звуком скрипки взмыленного кременца,
сиречь итальянца, от одного до другого дорожного знака,

сообщающего про чистую пробу льда,
и еще о предстоящем количестве сожженных мостов
и суток (назад посмотри), вскачь, но при этом
зряшно влетевших в топку,
впрочем та, неспроста пылает.

По всему сужу: пузыри
(как эмодзи, дурашками рассылаемые, в день по сто),
нам пускать,
газированная вода,
под твою диктовку.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ КЛАССИФИКАЦИЙ ПРИКЛАДНЫХ И АЛЬБОМНЫХ

Дед Мороз

1. «Морщит — совсем не куль...» 7
2. «Эллин, эвенк, еврей...» 7
- «Мой пул звенит громче твоего заслуженного кимвала...» 9
- Пока пастушок качал зыбки новых моделей...» 10

Из Ланнита

1. «Говорят, на Астафия Ветряка объединилась Германия...» .13
2. «Удивительно быстро, но это не радует, выпивается водка...»14

Школа

1. «Кто-то владел неизменным мысом встречи ветров...»16
2. «Отражение тверди небесной — пустыня?...»17

Радиоведущему19

Ну, что тебе сказать про...

1. «Ищи. Не след томиться по кабы...»21
2. «Старик, ты фрик, причем в расцвете лет...»22

Наше кино

- I. «На всякий случай ять, классический размер...»24
- II. «О многоэтажный, о далекой родине прозвучи!...»24
- III. «Человек на знамени красном, вместо серпа...»28
- IV. «а на самом деле...»29
- V. «Ты пузо любишь свое за отсутствием сытых щек...»30
- VI. «Помнишь аспидную доску?...»31
- VII. «Досужие времена в гавани Angevrosis...».34
- «Домчата дымчатые, задумчивые...»36
- «Сколько помним себя, расцветает под грушами чубчик...»37
- «Варимся в предвосхищении...»39
- «Ключик, толкуй в колодце, но не стучи в окно...»40
- «Tell me more...»41

СИБИРСКО-ПЕРСИДСКИЕ НАПЕВЫ ЧИБИСА

Предупреждение № 1	45
Ради острого стержня.....	50
Понедельничный остров	
I. «Иваново — город невест?..»	51
II. «Основа острова...»	52
III. «По водам талым в ценностях двора...»	54
Островные романсы без опусного номера	
I. «она? к тебе? добрей?...»	56
II. «В дупле живет морковь...»	56
III. «Минуты от ФАПСИ до иваси...»	58
Предупреждение № 2	60
Заостроженный рэг.....	61
Тунгусский стопп.....	65
Ермацкий баунс.....	67
Байкальский джиттербаг	69

ЛИТОРИНОВЫЕ ЭТЮДЫ

После фильма	73
Из Агенскалнс в Чиекуркалнс	77
«Но я...».....	79
«Горка посуды рождает сотню вопросов...»	80

ВИНТАЖ: RARE, LOST AND UNRELEASED

«Говорят, что тепло, на которое нет цены...»	83
Пуническое	86
Игра в классики.....	89
«Когда не в битуме Батум...»	92
Сюита оловянного солдатака	
1. Экспозиция	93
2. Интерлюдия	94
Диалог	
1. «решение с запасом крутизны...»	95
2. «Найдётся адресат и на Луне...»	95

«Промозглица нам капает на мозг...»	96
«Штрих-дождь и кроет и кроит...»	97
«Фонари над подъездными путями...»	99
Линде Эркер	100
«Ах, город, где в моде — морока...»	101
Куплеты шарманщика	102
Лето в Риге	103
«Что скажешь, ребе Элимелех?...»	105
«Поверь дизайнеру...»	106
«Эти звуки лукавы и грациозны...»	107
Карантинные апрели	
1. Грядущему моллюску готовя	108
2. Илон Маск и царь Дадон	110
«Думаю о тебе...»	107

Літературно-художнє видання
СЕРІЯ «Бібліотека “Крещатика”»
Заснована у 2023 році

Дмитрий Драгилёв
ИСПРАВЛЕННОМУ
ВЕРИТЬ
(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка
Друкарський двір Олега Федорова
Формат 60x84 1/16. Наклад 150 прим. Зам. № 9954
Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 7,5
Гарнітура «Cambria».
Підписано до друку 28.07.2024 р.

Видавець Федоров О. М.,
«Друкарський двір Олега Федорова»
Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,
е-mail: relaks-oleg@ukr.net
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»
Адреса: 07400, Київська обл., м. Бровари,
б-р Незалежності, 2/148
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

ДМИТРИЙ ДРАГИЛЁВ, берлинский автор и музыкант, родился в 1971 году в Риге, где окончил Латвийский университет (история). Высшее музыкальное образование получил в Веймаре, высшее литературоведческое — в Йене. Стихи, проза, эссе и переводы публиковались в толстых журналах и антологиях. Драгилёв был редактором литературно-культурологического журнала «Via Regia» (Эрфурт). Преподавал в Европейском университете VIADRINA (Франкфурт-на-Одере). Выступает как пианист, аккомпаниатор, аранжировщик и руководитель ряда ансамблей (The Oskar Strock & Eddie Rosner Orchestra, The Swinging PartYsans, Kapelle Strock, Advocat's Of Swing).

ДРУКАРСКИЙ ДВОР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

